

Затмение

7 августа 1887 года на большой территории России наблюдалось интересное небесное явление – полное солнечное затмение. Наряду с учеными за ним следило и множество любителей в разных уголках страны, в том числе в Добрянке.

Для проведения наблюдений за солнцем пять заводских служащих установили зрительную трубу, барометр, компас и секундомер, а также проверенные накануне по солнечному меридиану часы. В разных местах были развешаны термометры.

У каждого из наблюдателей имелось закопченное стекло и предварительно разграфленные тетради для записи наблюдений. Кроме этого, был приготовлен набор цветных карандашей и листы бумаги с начерченными крутами для обозначения фаз затмения и для зарисовок изменения цвета и формы солнечной короны.

Полное затмение продолжалось 2 минуты 27 секунд. Наряду с наблюдениями за небесными и световыми эффектами был отмечен ряд интересных моментов в поведении людей и животных.

Вот что писала по этому поводу газета «Пермские губернские ведомости» в корреспонденции из Добрянского завода.

«Животные заметно были встревожены: голуби, например, начали кружиться в воздухе, ища приюта. Один голубь ударился так сильно о телефонные проволоки, что он него упало на землю 6 перьев. Гуси, плавающие в пруду, с наступлением темноты быстро поплыли к берегу, вышли на него и сели в тесный ряд; коровы останавливались среди пути, опускали к земле головы и стояли совершенно неподвижно до конца полного затмения. Простой народ, веривший в возможность затмения, был убежден, что оно будет продолжительным, а потому запасался свечами, и во многих домах тотчас, как только наступила темнота, засветились в окнах свечи. Некоторые зажигали свечи перед иконами и ставали на молитву.

Бывшие вне дома, из всех сил бежали домой, особенно женщины. Маленькие дети, бывшие на улице, начали плакать и звать маму. У некоторых же вырывалось невольное восклицание «а ведь правда!» Более всех сомневались в возможности затмения староверы. Одна деревенская девочка в минуту полного затмения разорвала свою красную кофту и бросила в печь, считая затмение наказанием божьим за щегольство. В деревнях объясняли причину затмения солнца и тем, что ему была смена для того, чтоб заменить старое солнце новым солнцем. Были случаи и весьма комического свойства.

Весьма характерна была еще та тишина, которая наступила вслед за появлением полной темноты. Невольно возникала мысль о прекращении всякой жизнедеятельности на Земле.

Затмение произвело бы несравнимо более сильное впечатление, если бы народ не был предупрежден, если б ему предшествовало вполне безоблачное небо».

Камские зори. 1986. 5 июня

Великий потоп

(Прикамье в первой половине 50-х годов XX века)

«Великий сталинский путь преобразования природы в действии»

Всякий, кто решит посмотреть материалы XVI съезда партии (1930 г.), обнаружит в них указания на необходимость сооружения на Каме крупной гидроэлектростанции. Первоначально место для ее строительства было выбрано в районе Перми, и уже через три года после съезда там начались строительные работы, но в 1938 году они неожиданно прекратились. Остановка строительства объяснялась, в частности, тем, что «под створом плотины на сравнительно небольшой глубине» были обнаружены «гипсоносные породы, которые легко размываются водой» и это крайне «опасно для гидротехнических сооружений». В это время в дело вмешалась другая группа специалистов, которая предложила построить вначале ГЭС в районе Соликамска, а уж потом вернуться к вопросу размещения гидроэлектростанции в районе Перми. Однако, несмотря на указания XVIII съезда ВКП(б), соликамский вариант также не получил своего развития. Вся эта канитель закончилась лишь в 1942 году, когда правительство приняло окончательное решение о том, что Камская ГЭС должна быть построена в окрестностях Перми, в нескольких километрах ниже устья р. Чусовой. Новый вариант отличался от проекта начала 30-х годов тем, что благодаря совмещению плотины и здания ГЭС, основные сооружения станции располагались выше гипсоносной зоны. Подобное техническое решение позволило резко сократить сроки строительных работ, привело к экономии бетона и значительно удешевило строительство, начавшееся в 1948 году. «Великий сталинский план преобразования природы – в действии», – писала в мае 1951 года газета «Звезда». Одновременно с возведением ГЭС строители занялись сооружением жилых домов в п. Гайва, в которых должны были поселиться энергетики станции – «счастливые люди счастливой советской страны».

Прошло несколько лет, и в апреле 1954 года, несмотря на недоделки, аварии, отсутствие опыта и недостаточную продуманность ряда технических проектов, пролеты Камской ГЭС были перекрыты металлическими щитами, преградившими путь вековому свободному течению уральской реки. С этого момента и началось заполнение чаши Камского водохранилища. В 1954 году уровень воды в Каме был поднят на 13 метров, в 1956 – на 8 м, в 1960 – еще на 0,5 м, а всего – на 21,5 м. В результате этого образовался огромный водоем площадью около 2 тыс. кв. км и объемом до 12,2 куб. км. Вверх по Каме подпорная вода распространилась на 350 км, дойдя до устья р. Вишеры. Добрянская районная газета «Сталинский путь» обрадовала тогда своих чита-

телей сообщением о том, что «в Камском море будет находиться воды в десять раз больше, чем во всех 12 тыс. колхозных и совхозных водоемах нашей страны...». Впрочем, что там возьмешь с небольшой районной газеты, если дифирамбы по поводу строительства Камгэс пели и областные, и центральные газеты. Та же «Звезда», сообщив, что «строителей в их повседневном труде вдохновляли исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, наметившего грандиозную программу энергетического строительства в нашей стране», впала затем в лирическое настроение и нарисовала прямо-таки идиллическую картинку о том, как «смирное в самом начале рождения море уже гонит свои первые волны на берег, играя на весеннем ветру белыми гребешками водяных валов». И, как видно, невдомек тогда было, что пройдутся эти «белые гребешки» по судьбам людей, по их памяти и унесут в небытие сотни прикамских сел, деревень и поселков. Пример тому – Добрянский район, который в силу своего географического положения пострадал от затопления особенно сильно.

Камгэсстрой предупреждает

17 января 1956 года в 15 часов 30 минут мастер электроцеха Н.А. Копылов выключил последний выключатель заводской электростанции, а начальник парового хозяйства Н.П. Емельянов дал последний в Добрянке продолжительный заводской гудок. Этот гудок поставил своеобразную точку в истории местного металлургического завода. «Ликвидация завода была трагедией для рабочих, так как большинство населения города имело на нем постоянную работу и одно поколение металлургов сменялось другим в течение 200 лет», – с ностальгией вспоминают сейчас бывшие рабочие-металлурги. Ветеранам вторит и свердловский историк В.М. Слукин, который в своей книге «Тайны уральских подземелий» пишет: «Завод затопили – так оказалось дешевле... Вопрос однозначно решила экономика. И никто не положил на чаши весов архитектурную значимость сооружений, историю, память поколений..., то есть понятия на редкость важные, но не находящие выражения в рублях и тоннах».

Справедливости ради следует сказать, что судьба завода решилась не сразу. По крайней мере, вплоть до начала 1954 года руководство предприятия, видимо, еще на что-то надеялось и, ссылаясь на разрешение Совета Министров СССР работать до весны 1955 г., не предпринимало никаких шагов по демонтажу основного оборудования. Однако начавшееся в 1954 году заполнение водохранилища все же заставило заводчан приступить к перебазированию на новые места тех объектов, что «находились ниже отметки 100». Это было начало конца завода. В том же году был разработан подробный план его демонтажа, на основании которого летом 1955 года прекратили свою работу огнеупорный цех и лесобиржа, в сентябре-декабре остановились копровый, маргеновский и прокатный цехи. По данным начальника

ОКСа завода Кошкина, «на 20 ноября 1955 г. из 534 объектов, находящихся в зоне затопления водохранилища Камгэса», было «разобрано 466 объектов». Все оставшиеся объекты: фасонно-литейный, механический и ремонтно-строительный цехи, гараж, складское и энергетическое оборудование были демонтированы к апрелю 1956 г.

В последующие годы судьба разбросала многих высококлассных добрянских мастеровых-металлургов по всему Союзу. Подобная же участь постигла в середине 50-х годов Чермозский и Майкорский заводы. Традиционная для Прикамья металлургическая отрасль была практически ликвидирована. Вот уж поистине, «нет таких препятствий, которые не смогли бы взять большевики».

Помимо металлургического завода в зону затопления в Добрянке попали также промышленные и бытовые здания райпромкомбината, хлебозавода и леспромхоза. Перенос каждого из этих объектов потребовал массу сил, времени и средств. По данным объяснительной записки старшего инженера отдела отчуждения Камгэса В. Гаврилова, на 1 января 1954 года не все добрянские предприятия торопились выполнить установленный «райисполкомом график переселения». Это, к примеру, касалось Добрянского ЛПХ, который не торопился переезжать, ссылаясь на то, что еще «не достроена новая автобаза». Тогда же в «черный список» попал и Добрянский узел связи, начальник которого, по сведениям Гаврилова, бездействовал, «оправдывая себя тем, что объекты находятся выше 100 отметки». Помимо этого, в Добрянке никак не могли переселиться на новые места райпотребсоюз – «некуда перебазироваться» и контора «Заготзерно», у которой не было «подготовленных складов».

Да и в целом по району перенос промышленных объектов шел, что называется, «со скрипом». Особое недовольство представителя Камгэса В. Гаврилова вызвала позиция Косьвинского ЛПХ, который передал все свои объекты «на баланс другим лесозаготовительным организациям» и посчитал «свою миссию оконченной». За такие проделки директор леспромхоза был «предупрежден, что Камгэсстрой не снимает с его ответственность за переселение». Одно время из-за неподготовленности новых промышленных баз «тянули резину» руководители Усть-Гаревского кирпичного и Полазненского алебастрового заводов, а также нефтяники района. У последних, в силу специфики их производства, проблем было особенно много. Всего по району затопление коснулось собственности 33 предприятий, организаций и учреждений с общей численностью строений в них 662.

Но как бы ни было, к весне 1956 года перенос промышленных объектов района в основном завершился. Намного хуже обстояли дела с очисткой ложа водохранилища от леса.

Как уничтожали «зеленое золото»

В 50-х годах Добрянский район обладал значительными запасами леса, но в связи со строительством Камгэса обширные лесные площади попали в

зону затопления. Очистка ложа водохранилища началась с 1952 года, и на 1 декабря только на территории Добрянского лесхоза лес был вырублен с площади 954 га, с объемом древесины в 125,7 тыс. кубометров.

Согласно решению Молотовского облисполкома от 14 января 1952 года, огромный объем работ обязаны были выполнить колхозы района. Только в зону затопления 1 очереди попадало 2149 га колхозного леса с объемом древесины в сотни тысяч кубометров. Причем колхозникам надлежало вырубить его своими силами и всего лишь за 2 года. По мнению заведующего райсельхозотделом Печенина, найти столько людей (200 человек) и выполнить весь объем работ колхозы района, безусловно, не могли. Поэтому к этой работе «в порядке трудгужповинности» стали привлекаться люди с целого ряда промышленных предприятий, в том числе с Добрянского кирпичного завода и Молотовской мебельной фабрики.

Тогда же вырубкой леса в Добрянском районе занялись специально созданные леспромхозы: Усть-Косьвинский, Обвинский и Висимский, которые входили в трест «Молотовспецлесгаз». В ряде мест использовался и труд заключенных. Конечно же, производительность труда в таких ЛПХ была далеко не самой высокой и, по данным на весну 1955 года, весь предназначенный им для рубки лес они так и не вырубали. По воспоминаниям очевидцев, «много тогда лесу осталось между Висимом и Чермозом. Срубить не успели. Он вмерз в лед и весной его льдом и волнами весь поломало, искорежило. По Каме тогда даже пароходам ходить нельзя было, столько леса плавало. Часть его зимой связали в пучки, а вывезти не смогли, поэтому местами из такого леса создавались целые острова, например в устье Косьвы». Кстати, многим современникам тех события уже тогда было непонятно, почему вырубкой леса занялись только непосредственно перед затоплением, а не раньше. Существует даже мнение, что это было «вредительство».

Пытаясь наверстать упущенное, «народу в зону затопления нагнали тыщи». Среди них были и рабочие из разных городов, и колхозники, и бывшие зеки, и «фэзэушники». В общем, кого только не было. Понятно, что публичка, собравшаяся на лесоповале, не отличалась ангельским поведением.

Порою в таких поселках случались серьезные эксцессы, и дело доходило до самой настоящей уголовщины. Свидетельство тому – события, случившиеся в Висиме в марте 1954 года. Как следует из телеграммы, посланной руководителями Висимского лесопункта в Добрянку и в Пермь, «ночью 22.03.54 г. ...группа злоумышленников совершила хулиганские, бандитские выступления: налеты в магазин, попытки изнасилования, кражу в женском общежитии, угрозы руководству л/пункта». Подобными бандитскими действиями «были вызваны массовые невыходы 23.03.54 г., на работу в зону затопления женщин, терроризированных хулиганами, милиции нет. Неоднократные сообщения в РОМВД по наведению порядка остались безрезультатными, преступники безнаказаны. Просим немедленного вмешательства.

В противном случае будут сорваны работы очистки зоны затопления». А работы и в самом деле были под угрозой срыва, поэтому, чувствуя, что своими силами району с задачей очистки ложа водохранилища не справиться, его руководство решило обратиться за помощью к начальникам Саратовского, Сталинградского и Астраханского облсельхозуправлений. В письме от 4 марта 1953 года за подписью заместителя председателя Добрянского райисполкома Карсакова сообщалось, что «на землях колхозов Добрянского района нужно в текущем году вырубить 150 000 куб. м., древесины, попадающей под зону затопления Камской ГЭС. Колхозы, владельцы лесов в древесине не нуждаются и не имеют в резерве рабочих, чтобы вырубить эти леса и пустить в продажу. Если Ваша область нуждается в древесине, то вышлите представителя для осмотра лесов и можете немедленно начать рубку. Леса расположены на берегу р. Камы с расстоянием до 500 метров...».

В том же году на головы добрянских руководителей свалилась еще одна напасть. Оказалось, что «в районе города Добрянки на землях Госземфонда в зоне затопления на площади 75 га, находятся отдельные вековые сосны в количестве до 3-х сот штук». Уничтожить такие мощные деревья «силами и средствами района» не представлялось возможным. Толщина многих сосен достигала двух метров. Расписавшись в бессилии в битве с природой, в письме от 3 октября добрянцы просили Молотовский облисполком «командировать в район группу подрывников» для уничтожения указанных деревьев «путем взрыва».

Весна 1954 года и начавшееся заполнение водохранилища вызвали еще целый ряд неожиданностей. Одна из них – уже известное нам огромное количество поплавшей по реке аварийной древесины, часть которой была в плотках и в пучках. Найти авторов разгильдяйства, как правило, не удавалось, но недаром говорится: «нет худа без добра». Порой такой бесхозный лес оказывался для города весьма кстати. Например, в марте-апреле 1954 года с разрешения председателя Добрянского райисполкома Филимонова председатель горисполкома И.Д. Бажин организовал бригаду рабочих для добычи вмерзшего в лед выше переправы «дровяного леса», который затем был использован городскими властями «по своему усмотрению».

Правда, добрянских руководителей в период затопления, пожалуй, больше ругали, чем хвалили. Вот и в январе 1954 года районному начальству крепко досталось от председателя Молотовского облисполкома за то, что они «недопоставили тресту «Молотовсельхозспецлесгаз» 39 конных рабочих», вследствие чего «трест подготовил менее 10 процентов площадей подлежащих затоплению водохранилищем весной 1954 года». Своим распоряжением облисполком не только обязал добрянцев принять самые «решительные меры к немедленному направлению рабочих этому тресту», но и предупредил районное руководство, что «в связи с серьезной угрозой срыва

неотложных лесочистных работ» им придется лично отчитаться по этому вопросу на заседании облисполкома 27 января.

Да уж, не слишком-то уютными выглядели тогда кресла руководителей района. Впрочем, массу серьезнейших проблем приходилось решать в те годы и руководителям более мелкого ранга, например, председателям колхозов.

Колхозные страдания

В начале 50-х гг. в нашем районе насчитывалось более 20 колхозов. В зону затопления Камгэса попали земли одиннадцати из них. Часто это были самые лучшие, плодородные пойменные земли. На дне водохранилища оказались и обширные пашни, и пастбища, и заливные сенокосные луга с прекрасной травой. Вне всякого сомнения, в те годы кормовой базе животноводства нашего района был нанесен непоправимый урон.

Понятно, что взамен ушедших под воду сельскохозяйственных площадей колхозам нужно было получить новые земли. К примеру, только один из козьвинских колхозов «Красное знамя» потерял в тот период 50% своих площадей. Поэтому уже в 1950 году председатели прикамских хозяйств, один за другим, стали обращаться в Добрянский райисполком с просьбами о выделении их колхозам новых земельных угодий. Только в августе 1950 года, согласно решению райисполкома № 372, в качестве компенсации из земель гослесфонда им было выделено 4257 га новых площадей. О потерях хозяйств говорят такие факты. Колхозу «Красная нива» требовалось выделить 750 га, висимскому колхозу «Красный Урал» – 766 га, колхозу «Передовик» из Сенькинского сельсовета – 596 га, «Заре свободы» из Кряжевского сельского Совета – 400 га и т.д. Компенсационные земли выделялись из площадей Усть-Косьвинского, Никулинского, Нижне-Луховского, Добрянского и Полазненского лесничеств. При этом лесистость административного района равнялась 75%.

В общей сложности во время образования Камского водохранилища колхозы Добрянского района потеряли 11370 га земли, в том числе 1170 га пахотных площадей, 1724 га выгонов и пастбищ, более 6 тыс. га сенокосных угодий и т.д. Только в 1952 г. им требовалось перевезти на новое место 376 построек. Земли, выделяемые в качестве компенсации, были значительно хуже затопляемых. Сенокосы и пастбища для колхозного и личного скота выделялись на лесных вырубках, которые не шли ни в какое сравнение с прежними заливными лугами. Не это ли причина того, что за 1 полугодие 1953 года в Добрянском районе на одну фуражную корову при плане 1300 литров молока было надоено всего лишь... 226(!) литров. Козы давали молока больше, чем эти бедные колхозные коровенки.

Одновременно с процессом переноса колхозов началось их укрупнение. Так, 20 января 1951 года состоялось общее собрание тружеников кряжев-

ского колхоза «Заря свободы». Главным вопросом собрания был вопрос объединения этого хозяйства с колхозом «Память Ленина». Выступивший в прениях председатель «Зари свободы» Рыжков сказал, что «партия и правительство уделяют огромное внимание сельскому хозяйству», и предложил укрупнить свой колхоз с колхозом «Память Ленина». Затем слово взял П.И. Баландин, по мнению которого объединиться нужно обязательно, так как «укрупнение колхозов это правильный путь к зажиточной жизни колхозников». То же самое мнение высказал и следующий выступающий Г.И. Дроздов, сказавший, что «партия и правительство, и лично товарищ Сталин заботятся о советском крестьянстве» и объединение хозяйств позволит лучше обрабатывать поля. Это решение было утверждено Добрянским райисполкомом 21 февраля 1951 года. Еще через три дня райисполком утвердил аналогичное решение об объединении колхозов из Усть-Гаревского сельского Совета «Красный пахарь» и «Согласие» с сенькинским колхозом «Передовик». Слияние хозяйств мотивировалось тем, что на полях можно будет работать «более сложными машинами», такое хозяйство будет «мощным колхозом» и «улучшится дисциплина колхозников».

Переселение людей, сел, деревень

«...Если не будут приняты никакие меры я буду писать в Москву... Наше правительство не бросит престарелых и окажет помощь, а то в горсовете только слышишь, подписывай документы и переноси дом, а я что могу сделать в своих годах, если у меня никого нет», – писала в марте 1952 года начальнику Камгэсстроя Наймушину одна из жительниц Добрянки. Ее письмо – лишь один из примеров, показывающих весь трагизм тех событий. Действительно, как могла перенести свой 2-этажный обшитый и оштукатуренный дом престарелая женщина? А сколько их было, таких случаев, если из зоны затопления необходимо было собственными силами перевезти не десятки и даже не сотни, а тысячи домов и дворов. К тому же со времени окончания Отечественной войны прошло всего лишь несколько лет, в стране было огромное количество вдов, сирот и инвалидов и на их долю выпала еще одна напасть, на этот раз в виде затопления и переселения, которые преподносились партийными и советскими органами как большое благо для народа. С этой целью во всех сельских Советах района состоялись общие собрания граждан, прошли лекции и беседы, на которых выступавшие говорили о необходимости строительства Камской ГЭС и разъясняли собравшимся политику партии в вопросах электрификации.

Для определения стоимости переносимых домов, хозяйственных построек и для выплаты компенсации были созданы специальные оценочные комиссии. Они руководствовались ценниками, составленными Управлением отчуждения Камгэсстроя и утвержденными затем в Минэнерго СССР. Как всегда, при проведении работы, затрагивающей личные интересы многих

людей, не обошлось без ошибок и недоразумений. Например, во время проведения инвентаризации только в одной деревне Черный Исток было пропущено около 15 домовладений, а в деревне Усть-Туи не подготовили оценочные акты на 6 домовладений. Все это вызывало многочисленные письма в разные инстанции, жалобы, конфликты и т.д.

После составления оценочных актов всем переселенцам из фонда Камгэсстроя выплачивалось 50% от общей суммы компенсации. По данным на 1 октября 1952 года, таким образом в Добрянском районе было профинансировано 1158 домохозяев на сумму 408 тыс. 768 рублей, т.е. в среднем по 353 рубля на дом. В дальнейшем эта сумма увеличилась.

Тем семьям рабочих и служащих, которые не имели собственных домов, а жили на квартирах и не получали жилища на новом месте, выплачивалась компенсация в размере 1000 рублей на семью. Правда, это касалось только тех, кто прожил на квартире в доме, попавшем в зону затопления, не менее 6 месяцев.

В ходе переезда в ряде деревень отмечались случаи, когда в оценочные акты колхозники включали свои бывшие постройки, отобранные у них в годы коллективизации. Все эти факты выявлялись, а виновные наказывались. Тогда же в ряде мест были зафиксированы такие случаи, когда домовладельцы, получив 50% компенсации, уезжали из района, не перевозя свой дом. В основном это были владельцы непереносимых строений, коими признавались сооружения, имевшие свыше 60% износа. Первоначально они передавались Камгэсстрою по страховой оценке, но затем, согласно распоряжению правительства и указаниям Молотовского областного Совета депутатов трудящихся, такие строения стали возвращаться их владельцам, которые были обязаны «вывести их из зоны затопления своими силами». Лишь после этого хозяева бывших усадеб могли рассчитывать на окончательную выплату компенсации. Причем вторая половина денег выдавалась лишь после составления акта о том, что место усадьбы к затоплению готово, и такой акт подписывался санитарным врачом.

Масштабы переселения были огромными. Оно коснулось жителей более 50 населенных пунктов. Только в 1951-52 годах в районе требовалось перенести 1027 дворов с числом жителей в них более трех тысяч человек, в том числе в Добрянке 293 двора, в Никулинском сельском Совете – 172, в Полазне и ее округе – 162, в Усть-Гаревском и Сенькинском сельсоветах – по 124, в Висимском сельском Совете – 57 дворов и т.д. Всего же к 1956 году переселению было подвергнуто 1660(!) домовладений, да и не только их. К примеру, в 1951 году на новые места необходимо было перевезти 3 школы, 2 дома для учителей, 1 амбулаторию и т.д., но ни одно из этих строений перебазировано не было. По признанию добрянских руководителей, «невыполнение зависело: а) от несвоевременного оформления технической документации, б) от отсутствия горючего у автомашин, в) от несвоевременной выплаты средств» и от прочих причин.

В 1952 году масштабы переселения должны были резко возрасти. В плане на год был обозначен перенос уже 5 начальных и 1 семилетней школ, 2 амбулаторий, 3 жилых домов коммунального ведомства и т.д. Так в 50-х годах с лица земли исчезли целые деревни. Причем в том случае, если частные дома убирать было некому, они попросту сжигались.

В те же годы взамен канувших в Лету многочисленных прикамских деревень и сел на карте нашего района стали появляться новые или укрупняться старые населенные пункты. Так, в 1951 году новым центром колхоза «Новая жизнь» вместо затопленной деревни Дивья стала деревня Б.-Липова (ныне с. Липово), «столицей» укрупненного колхоза им. Сталина сделалось с. Сенькино, а вместо прекративших свое существование кряжевских деревень появился сельсовет в д. Ключи.

Все решения о новых центрах утверждались на общих собраниях колхозников, а переселенцы получали по 15 соток земли на каждый двор. Укрупненные населенные пункты проектировались областным управлением сельского и колхозного строительства. Исключение составили лишь Добрянка и Полазна. В последней план застройки был разработан Ленинградским филиалом государственного института по проектированию спецсооружений нефтяной промышленности и утвержден затем решением облисполкома от 5 сентября 1951 года.

Интересно, что уже в ходе затопления жители и руководство Добрянского района столкнулись с проблемой размыва речных берегов. Согласно решению райисполкома от 26 июля 1954 года, в связи с подмывом берегов в список для переселения было дополнительно включено 129 домов. Этот процесс продолжается и по сей день.

Из разряда неожиданностей

В ходе затопления жители Прикамья столкнулись еще с целым рядом проблем, некоторые из них оказались весьма неожиданными.

Так, в начале 50-х годов выяснилось, что в зону водохранилища Камской ГЭС попадает целый ряд скотомогильников. Один из них был на р. Косьве в районе д. Веселково, а остальные располагались по Каме у деревень Усть-Туи, Ромахино, Конец-Гор и Остров. Что с ними делать, никто поначалу не знал, но все понимали, что размыв скотомогильников мог привести к заражению скота и людей различными опасными болезнями. В конечном итоге было принято решение произвести их перезахоронение, на что потребовалось найти еще не одну тысячу рублей.

Но одно дело, когда речь идет о могильниках для скота, и совсем другое, когда в непосредственной близости от береговой кромки оказывались деревенские кладбища. Одно из них находилось у с. Висим. Первоначально даже рассматривался вопрос о «перезахоронении трупов», но затем летом 1954 года в результате технического обследования было установлено, «что

кладбище расположено в 75 метрах от бровки высокого берега. Склон берега залесен, задернован и ниже основного склона имеются 3 контрофорсные площадки», поэтому был сделан вывод об «отмене решения о перезахоронении» и о том, что «никаких защитных мероприятий» назначать не нужно. С той поры прошло около 40 лет. Ни леса на берегу, ни одной из трех контрофорсных площадок уже не осталось и в помине. Водохранилище по-прежнему активно наступает на сушу, и до кладбища остались считанные десятки метров.

В результате образования водохранилища большие потери понесла историческая наука. Для нее безвозвратно были потеряны десятки археологических памятников. Какая-то часть из них так и ушла под воду совсем неисследованной, другую часть археологи успели раскопать лишь в самый последний момент. Как раз в те годы учеными были исследованы Усть-Туйское костыще, Бурковский и Больше-Висимские могильники и другие памятники, относящиеся к IV-VI векам н.э. На некоторых памятниках были найдены такие редкие вещи, как фигурки пермского звериного стиля, украшения, иранские монеты и т.д.

В те годы в зоне затопления работали не только ученые-археологи, но и медики, специалисты из Молотовской противомаларийной станции. Они проводили исследования на предмет выявления в районах водохранилища мест, где было возможно развитие малярийного комара. По их мнению, такими местами могли стать обширные и мелководные заливы на речках Добрянка, Полазна, Полуденная и др. Там требовалось проведение специальных противомаларийных мероприятий. Основания для этого были. В 1949 году в Добрянском районе было зафиксировано 24 случая заболевания малярией, а в 1950 году их число сократилось до 5 случаев. Как предполагали врачи, в целом с образованием водохранилища эпидемиологическая обстановка по малярии в районе должна была улучшиться. Судя по всему, медики оказались правы. По данным, полученным из Добрянского центра санэпиднадзора, ныне в нашем районе случаи заболевания малярией практически не встречаются.

Итоги потопа

Прежде чем подвести итоги «Великого потопа» на Каме, следует отметить, что с образованием водохранилища изменились административные границы нашего района. Так, от Чермозского района к нему отошли обширные лесные площади по р. Лух, а от Верхнегородковского района в подчинение Добрянке перешел Краснослудский сельский Совет. В то же время из Добрянского района в Ильинский был передан колхоз «Красная Звезда».

Тогда же на переправе Добрянка – Лябово появился самоходный паром, в райцентре были построены новая пристань и речной вокзал, появился мост по ул. Советской через Сладкий лог, была построена новая дорога через д.

Завожик на Липово и т.д. Однако было сделано далеко не все, что планировалось. Не были сооружены дамбы и мосты на р. Большой Туй и Полуденная, не появилось на карте района гравийной дороги Никулино – Н. Красное и т.д.

Так что же, по большому счету, приобрел наш район от строительства Камской ГЭС? Надежное электроснабжение? Пожалуй. Несомненно, с образованием на Каме водохранилища улучшились условия для судоходства. Но здесь можно вспомнить, что до этого пароходы из Добрянки доходили не до Левшино, а до Перми I, что для пассажиров было намного удобней. Да и в целом, на мой взгляд, потери от Камгэса значительно превышают выгоды. В те годы только колхозных земель Добрянский район потерял более 11 тыс. га, были вырублены или просто уничтожены сотни тысяч кубометров леса, с исчезновением лугов животноводство лишилось кормовой базы, в районе не осталось ни одного пойменного озера, резко уменьшилось количество водоплавающей дичи и изменился видовой состав рыбы. В Каме не стало ни стерляди, ни белуги, т.е. той рыбы, которая приходила сюда из Каспия. Только в 50-х годах переселению было подвергнуто более 1600 домовладений рабочих, колхозников и служащих. А сколько их было переселено впоследствии, в результате подмыва берегов? Под угрозой смыва находятся ныне села Усть-Гаревая и Висим, поселки Ольховка и Бор-Ленва, и т. д.

Компенсируются ли эти материальные да и моральные потери появлением на Каме ГЭС? Навряд ли. Кстати, ее мощность всего 504 тыс. кВт, что значительно меньше мощности одного блока Пермской ГРЭС. Стоит заметить также, что о сооружении Камгэса в местной прессе долгое время вообще не сообщалось. Вырубался лес, переселялись люди и переносились объекты, а районная печать молчала, как будто ничего и не происходило. Первая публикация (и то сообщение ТАСС) в газете «Сталинский путь» появилась лишь в декабре 1952 года. Факт, вне всякого сомнения, примечательный. А если вспомнить, что до последнего времени и архивы-то были закрыты, то картина получается и вовсе неприглядная. Своего народа боялись?

Кстати, в процессе эксплуатации Камской ГЭС выявился целый ряд неудобств. В частности, совмещение плотины и станции привело к чрезмерной тесноте, что затрудняет ремонтные работы, а гипсоносный слой под телом плотины требует периодического укрепления, что вызывает новые расходы.

Можно только порадоваться, что не все «планы партии и правительства» были выполнены. В противном случае на Верхней Каме появились бы еще две гидроэлектростанции: Соликамская и Коми-Пермяцкая. Мощность первой из них по проекту равнялась 655 тыс. кВт. Она рассматривалась как одна из ступеней Камско-Печорского каскада в рамках проекта переброски части стока северных рек на юг. Если бы этот проект был осуществлен, то водоносность Камы увеличилась бы на 36-37 кубических км, т.е. на 30%. Помимо каскада ГЭС на Каме в 50-70-х гг. предполагалось разместить две

электростанции на р. Чусовой и пять ГЭС на р. Косье. Можно только предполагать, сколько еще земли оказалось бы под водой и к каким экологическим последствиям это бы привело.

Хотелось бы верить, что подобные эксперименты над живой природой да и над людьми больше никогда не повторятся.

*«Добрянский вестник». 1993. №№ 4, 6, 8, 12
Калинин М. Дыхание времени. Добрянка. 1996*

Герои есть у каждого из нас

Статьи об истории Добрянки
в военные годы

- Военные сборы образца XIX века
- Добрянский полк адмирала Колчака
- Горячий декабрь 1918 года
- В огне восстания
- Если б не было войны...
- Герои есть у каждого из нас
- Резервы для фронта
- Из жизни в глубоком тылу
- «У нас нет пленных, только предатели...»

